

Владимир Алпатов

«Народная лингвистика» в Японии и России

«Народная лингвистика» — совершенно естественное явление, широко распространенное у самых различных народов, в различных культурах, в разное время. На ранних этапах развития любой лингвистической традиции ее черты бывают очень заметны. Лингвисты последних двух столетий стараются освободиться от ее влияния, вырабатывая строго научные подходы, и достигают этого с разным успехом. В то же время принципы «народной лингвистики», механизмы, которые она задействует, и ее результаты мало привлекают внимание лингвистов, хотя бывали исключения. Можно назвать Н.В. Крушевского, интересовавшегося народными этимологиями [Крушевский 1998 (1879)], и Р.О. Шор, уделявшую большое внимание принципам, лежащим в основе «наивных» представлений о языке [Шор 2009 (1926)].

Приведем вначале несколько примеров, в основном касающихся народных этимологий; они относятся к разному времени и к двум народам: русскому и японскому.

Японский ученый XVII в. Мацунага Тэйтоку, сопоставляя японские слова *yoru* 'ночь' и *yori* 'собираться' (различаются только ударением), обнаружил их общее происхождение, поскольку днем люди расходятся по разным местам, а ночью собираются в домах [Алпатов 2011: 87–88].

В 1944 г. в № 11 журнала «Огонек» (где не одно десятилетие существовала рубрика «Почему мы так говорим?», включавшая и научные, и народные этимологии) напечатали старинную легенду в стихах о происхождении названия города *Вязники* (Владимирская область). Там якобы жил злой князь по имени *Ки*, на охоте он завяз в болоте и погиб, не любившие князя местные жители кричали ему: *Вязни, Ки!*

В середине XIX в. (когда уже возникла научная этимология) профессор Московского университета Ф.Л. Морошкин и историк Н.В. Савельев-Ростиславич стремились вывести знаменитые западные фамилии и названия из русского языка, поскольку, по их мнению, основу всей европейской культуры заложили славяне. Они выводили *Лондон* из *клон-дон* (наклонное дно), *Стокгольм* из *стог-холм* (стог большой, как холм). Фамилия *Фихте* возводилась к *пыхтеть*, *Гете* — к *кот*, *Лютер* — к *лютый*, а *Клотильда*, по их мнению, когда-то была *Колотильдой* (цит. по: [Чернышевский 1949: 322]).

Японцы уже не одно столетие этимологизируют самоназвание своих соседей айнов *ainu* как сочетание японского междометия *a* и японского же слова *inu* ‘собака’, то есть что-то вроде «Ах ты, собака!» [Gottlieb 2005: 111].

Современный японец, столкнувшись за границей со словом *taverna*, связал его с *taberuna* — формой прохибитива японского глагола *taberu* ‘есть’ (следует иметь в виду, что исконно отсутствовавший в японском языке губно-зубной звук *v* на слух японцами обычно воспринимается как *b*) [Mimi 1984].

Во всех примерах, приведенных выше, просто связываются между собой два слова или слово и словосочетание без каких-либо их изменений. Но часто бывает и так, что непонятное слово, ощущаемое как производное, меняет облик, подстраиваясь под известное слово, к которому оно якобы восходит. Русские солдаты начала XX в. *цейхгауз* (склад военного снаряжения) превращали в *чихауз* (семантика очевидна: на таких складах много пыли, от которой чихают). И в наши дни в уличных надписях мне приходилось видеть подобные примеры вроде *верхмахт* или *лизбиянки*. А название загадочного народа *этруски* разные люди независимо друг от друга возводили либо к *русским*, либо к целому предложению: *Это — русские*.

Очень склонны к «народной лингвистике» дети дошкольного возраста, уже научившиеся свободно говорить, но еще не овладевшие языком во всех его деталях. Столкнувшись, например, с врачом по фамилии *Востокова* и принимая фамилию за обозначение какого-то класса врачей, ребенок может посчитать, что она названа так, потому что *выстукивала* больных. Много

таких примеров вроде именованья *вазелина мазелином* собрано в известной книге К.И. Чуковского «От двух до пяти».

Число таких примеров можно множить до бесконечности, но важно понять механизм их формирования. Представляется, что в основе «народной лингвистики» лежит «свойственное наивному сознанию представление о естественно-необходимом характере его родной речи» [Шор 2009 (1926): 33]. Отсюда, как отмечала Р.О. Шор, идеи словесной магии, табу и пр., естественно связанные с представлением о родном языке как единственном. «Рефлектирующее над языковыми фактами наивное сознание» с трудом принимает то, что «в различных языках для обозначения одной и той же вещи применяются совершенно различные звуковые комплексы» [Там же: 6]. «Сталкиваясь с проблемой многообразия человеческих языков, наивное сознание реагирует на нее прежде всего своеобразным протестом», отсюда дразнилки, пародии на чужое произношение и пр. [Там же: 20]. Бессознательно «чужие языки» воспринимаются как «не совсем языки» или вообще не как человеческая речь, что проявляется в этимологии слов *немец* и *варвар* (буквально *бормочущий*). Р.О. Шор начинает свою книгу цитатой из романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна», где негр Джим удивляется, что встреченный им француз «не говорит по-человечески», то есть на его родном языке.

Каждая лингвистическая традиция, базирующаяся на традициях «народного сознания», на первых этапах рассматривает «свой» язык как единственный «настоящий» язык. Как заметил А. Мейе, «греки могли наблюдать и описать языки, впоследствии исчезнувшие или сильно изменившиеся в дальнейшем», «но у греков не было и мысли о том, что все эти варварские наречия представляли формы <...> языка, близкого к их языку <...> Единственным языком, ими изучавшимся, был язык их народа» [Мейе 1938: 445]. В дальнейшем, когда люди уже свиклись с идеей о множестве языков, восприятие «своего» языка как единственного «настоящего» трансформировалось в представления о его «особом богатстве», которым нередко отдавали дань даже серьезные лингвисты.

Непонятное, однако, каждый носитель языка обнаруживает и в собственном языке. Если он обладает развитой рефлексией, то у него возникает стремление это как-то понять и объяснить. Так возникают народные этимологии, механизм которых одинаков для самых разных культур. Так же объясняются и слова чужих языков (современных или древних). Поэтому первый принцип при создании народных этимологий — объяснение неизвестного через известное. Если человек, размышляющий над языковыми явлениями, одноязычен, то все будет

объясняться через его родной язык в пределах того, что ему известно. Пожалуй, сложнее всего для наивного сознания представить, что кто-то (в том числе иностранец) может не знать самые простые и понятные для него слова.

Второй принцип — фонетическое сходство. Точных критериев сходства здесь быть не может, но оно для «народного этимолога» должно быть очевидным и вызывать ассоциации. Оно может быть и довольно приблизительным, но его должно быть достаточно для возникновения ассоциации между непонятым и понятным словами. Возможны и ассоциации на основе перестановки звуков или букв. Прочитав, что во главе восстания *кабошьенов* во Франции стоял человек по прозвищу *Кабош*, что значит ‘башка’, можно предположить, что в слове *башка* переставили звуки.

Два принципа действуют в совокупности: «Непонятое народу по происхождению, а часто чуждое и по звукам слово ассимилируется к какому-нибудь известному, хоть сколько-нибудь близкому по звукам» [Крушевский 1998 (1879): 53].

Семантика играет подчиненную роль. Она может подкреплять ассоциацию: слово *таверна* связано с едой, а *Лютер* по характеру был лютым. Иногда берется слово, не самое сходное фонетически, но более подходящее по значению: врача *Востокову* ребенку трудно было семантически связать с *востоком*, легче это получалось с *выстукиванием*. Но семантической связи может и не быть: вряд ли тот же Морощкин что-либо знал о том, что философ *Фихте пыхтел*. Напротив, звуковое сходство часто приводит к придумыванию семантики, как это случилось с версией о происхождении айнов. Иногда возникают целые легенды, например о явно выдуманном *Ki*. Наивное сознание игнорирует как незнание другим этносом родного языка «народного лингвиста», так и исторические изменения в языках. Если кто-то утверждает, что *этруски — это русские*, он считает, что они говорили на единственно знакомом ему современном русском языке. Интуитивные представления об устройстве современного языка переносятся в историю.

Еще два свойства народных этимологий расходятся с распространенными в лингвистике принципами, но, по-видимому, связаны с закономерностями психолингвистических механизмов восприятия речи. В современной лингвистике принято делить слово на составные части — морфемы — без остатка. В народных этимологиях так не делается: связываются два слова, например *чихать* и *чихауз*, *мазать* и *мазелин*, а что значит остаток — неизвестно. Понятие морфемы чуждо «народной лингвистике», оперирующей целыми словами, что, как показывает изучение афазий, психологически более адекватно. Для

носителя русского языка (в других языках может быть иначе) аффиксы «намертво» прирастают к корню: при речевых расстройках способность делить слово на корень и аффиксы быстро исчезает, но слово в виде основной словоформы сохраняется до тех пор, пока больной может говорить. Впрочем, бывают исключения, как в случае с «князем» *Ки*, когда значение приписали и остатку.

Последний пример указывает и на другое свойство народных этимологий: связываются не слова как лексические единицы и тем более не корни слов, а словоформы, обычно исходные формы слов (если это русские имена, то в именительном падеже). Ни один лингвист не разделит слово *Вязники* на *Вязни* и *ки*: последний гласный слова — падежное окончание. А сопоставлению слов *русские* и *этруски* явно помогало наличие звука и буквы *и* в конце обоих слов. Но, вероятно, могут использоваться и другие формы слов: *Востокова* возводилась не к глаголу *выстукивать*, а именно к форме *выстукивала*.

Наивное языковое сознание, имеющее вышеуказанные черты, по-видимому, развивается в детстве у каждого человека, пусть степень склонности к «рефлексии над языковыми фактами» у разных людей различна. Хотя К.И. Чуковский считал, что к пяти годам это обычно проходит, но люди, склонные к такой рефлексии, могут сохранять ее значительно дольше, особенно если она связывается с дополнительными обстоятельствами вроде стремления «доказать» значимость или древность своего народа или рода.

Не устраняет принципы «народной лингвистики» и элементарное образование, оно лишь приводит к тому, что после обучения грамоте «основной единицей речи обычно представляется графическое слово» [Шор 2009: 56]. В примере с вождем кабошьенов «народный этимолог» с недоумением заметил, что получился *Кабош*, а не *Кабаш*, хотя слово *башка* должно писаться через *а* (но ему не пришло в голову, каким образом французы XV в. могли знать слово *башка*). Владение несколькими языками и даже полиглотизм делают возникающие ассоциации более богатыми: человек может связывать незнакомые слова со словами любого известного языка.

Впрочем, знание нескольких языков может приводить и к тому, что за основу берется не родной язык, а другой, обладающий престижем. Автор книги «Этруски заговорили по-русски», кандидат физико-математических наук, в отличие от многих его соратников владеющий, помимо современного русского языка, современным английским, именно последний пытается взять за основу: «Большинство русских имен расшифровываются по-английски» [Участкин 2005: 44]. *Старик* возводится

к *star* ‘звезда’ (старики — звездные люди), *boяре* — к *boy yard* (‘мальчик’ + ‘двор’) и даже имя *Мария* связывается не с *Mary*, а с *marry* ‘выходить замуж’ [Участкин 2005: 44–50]. По мнению автора, «английский язык позволяет расшифровать надписи на известных памятниках Малой Азии, этрусков и западных славян», что он и пытается продемонстрировать [Там же: 2]. Эта книга — обычный пример «народной лингвистики», а использование материала не одного, а двух языков ничего принципиально не изменило. Характерное для многих «народных лингвистов» желание разгадать тайны истории сочетается в ней не только с незнанием исторических фактов, но и с отсутствием представления о том, что языки меняются.

Разрушают такие наивные представления прежде всего сознательное изучение иностранных языков и лингвистическое образование. Наивное этимологизирование — видимо, естественное явление для детей в определенном возрасте и народов на определенной стадии развития, ощущение собственного культурного превосходства над соседями может его поддерживать и даже усиливать. Но в современном обществе это признак в лучшем случае дилетантства, в худшем — злонамеренности. Ассоциации непонятого слова с понятным преодолеваются через опыт и школу. Они могут служить основой для шуток и каламбуров, стать источниками поэтических образов, но взрослый человек, придающий звуковым сходствам реальное значение, не должен восприниматься всерьез. И народные этимологии могут быть совсем не безобидными. Случайное звуковое сходство самоназвания айнов (*ainu* на их языке значит ‘человек’) с названием собаки в другом, японском, языке привело к возникновению оскорбительного для айнов представления о них как о потомках людей, появившихся в результате смешения с собаками [Де-Воллан 1903: 207].

В разных странах, впрочем, отношение к «народной лингвистике» неодинаково. В Японии упомянутый пример с таверной автор-непрофессионал послал в научный журнал «Гэнго-сэйкацу» («Языковое существование»), где его письмо восприняли всерьез и опубликовали; в России такое пока вряд ли возможно.

Тем не менее «народная лингвистика» никогда не исчезала и до сих пор имеет много приверженцев. Среди авторов подобных работ есть и люди без образования, и специалисты в других науках, вроде упомянутого В.И. Участкина или академика А.Т. Фоменко, построения которого детально рассмотрены А.А. Зализняком. Однако с позиций «народной лингвистики» могли подходить к объекту своих исследований и, казалось бы, профессионалы. Именно это, как мне представляется, произошло с Н.Я. Марром (при всей специфике его личности).

Н.Я. Марр знал много языков и, разумеется, учитывал их историческое развитие. Однако едва ли не в каждой его работе мы найдем все то же произвольное объяснение неизвестных фактов на основе звукового сходства, о чем я уже писал [Алпатов 2009]. Оригинальные этимологии Н.Я. Марра могли просто совпадать с уже имевшимися народными этимологиями. Имя *Глеб* Марр связал со словом *хлеб* [Марр 1935, V: 250], при этом святой Глеб издавна считался покровителем хлебных злаков (это имя могут связывать с хлебом и дети). Н.Я. Марр также сопоставлял *этрусков* с *руссами* (правда, не с *русскими*), увидев здесь отражение одного из четырех «диффузных выкриков» человечества РОШ.

Писатель А. Мариенгоф в воспоминаниях о С. Есенине упоминал, что они «доморощенную развели науку — обнажая и обнаруживая диковинные, подчас *образные* корни и стволы в слове». В том числе Есенин предложил: «А вот тоже хороший образ в корню: *рука — ручей — река — речь*» [Мариенгоф 1998: 62–63]. На «доморощенную науку» двух поэтов обратил внимание Н.Я. Марр, сочтя, что эти четыре слова «имеют основания быть созвучными, формальные основания всегда, а для большинства их, именно для всех, кроме ‘речи’, есть и реальное идеологическое основание» [Марр 1934, III: 307]. Академик отвергал выводы академической науки, а такие любительские упражнения одобрил.

Еще до разработки «нового учения» Н.Я. Марр обнаружил в латинском слове *plebs* (собирательном по значению) показатель множественного числа *-eb* в родном для него грузинском языке и высказал на основе этого идею о яфетической принадлежности плеев (в отличие от патрициев, которых он тогда еще считал индоевропейцами). Позже он возвел немецкое слово *Hundert* ‘сто’ к немецкому же слову *Hund* ‘собака’. Предлагалось «семантическое развитие»: «собака — собака как тотем — название коллектива, объединенного тотемом, — все — много — сто» [Марр 1936, II: 391]. Первично здесь все-таки звуковое сходство, а семантику при развитой фантазии несложно придумать (ср. Мацунага Тэйтоку о людях, собирающихся ночью). Откуда появилось наращение *-ert*, Марр не объяснял (как не объясняются подобные наращения и в обычных народных этимологиях). Другой пример — «семантический пучок» из шести слов: *смерды, шумеры, иберы, сумерки, смерть, змей*. Три слова из них — исторические термины, происхождение которых требует объяснения. Марр провозгласил, что они связаны между собой, а смерды — «иборо-шумерская прослойка» русских [Марр 1934, III: 21–22]. Его не остановило то, что шумеры жили в Месопотамии в III тысячелетии до н.э., иберы — на Пиренейском полуострове в I тысячелетии до н.э., смерды же —

не народ, а известная с XI в. н.э. категория крестьянства в Древней Руси. По выражению критика марризма Е.Д. Поливанова, Н.Я. Марр постоянно вел «борьбу со временем» [Поливанов 1991: 520].

Однако Н.Я. Марр, видимо, пытался преодолеть явный недостаток «народной лингвистики» — жесткое противопоставление «своего» («своих») и остальных языков. Но «свой» язык для носителей разных языков каждый раз другой, и поэтому «представление о естественно-необходимом характере родной речи» абсурдно. Н.Я. Марр знал много языков и пытался преодолеть это противопоставление, но не менее абсурдным образом. Он перенес идею о «естественно-необходимом характере» на всякую речь, считая, что звучание слов любого языка должно отражать их значение. Поэтому он находил звуковую общность в русском, монгольском и китайском наименованиях коня, обусловленную не родством или контактами, а «единством глоттогонического процесса» (вследствие чего ему так легко было отказаться от языкового родства: оно при таком понимании причин языковых сходств излишне). Однако свести обозначения, скажем, коня во всех языках мира к единому звукотипу не удавалось, поэтому Н.Я. Марр добавил к этому положению и до него существовавшую идею стадий, распространив ее не только на строй языков, но и на звуковой облик слов. Согласно Н.Я. Марру, на определенной стадии экономического развития любой народ будет называть воду *si*, как это делают грузины, берберы, чувашаи и «пережиточно» другие тюркские народы [Марр 1936а: 45–46]. После каждого экономического переворота на любом континенте наименование того же объекта сходным образом меняется, хотя «реликты» прежних состояний могут сохраняться. Подобная фантастика, конечно, выходила за рамки того, что обычно придумывают «народные лингвисты», но все равно оставалась фантастикой.

Однако в силу вненаучных обстоятельств Н.Я. Марр был объявлен «великим ученым», а его построения использовались не только лингвистами, но и историками. Один из последних, Б.Л. Богаевский, заявлял, что он, «не будучи лингвистом, использовал работу Н.Я. [Марра] как неизбежную» [Богаевский 1935: 165]. Нельзя отрицать значения ряда работ Н.Я. Марра по Кавказу, но при этом он стал самым крупным представителем «народной лингвистики» в нашей стране в XX в.

В наши дни «народная лингвистика» скорее активизируется. Она часто используется как база для ненаучных положений об особой древности или особом «величии» того или иного языка или народа, что требует отдельного разговора. Помимо этого, появляются заявления о том, что «при переходе к мягким систе-

мам постструктурализма и постмодернизма» «каждой безумной теории находится свое место», в том числе и теории Н.Я. Марра [Руднев 2009: 69] (сходные идеи высказывал в лекции на филологическом факультете МГУ философ Ф.И. Гиренок). Представляется, что такие заявления опасны, поскольку означают возврат к донаучным принципам, наивному сознанию, которое полезно для поэзии, но не для науки.

Для авторов народных этимологий все очень просто: достаточно найти звуковое сходство между какими-то словами (обычно современных языков), а дальше при наличии фантазии такой взгляд на язык «позволяет объяснять буквально все из всего», на что указал Е.Д. Поливанов в отношении Н.Я. Марра [Поливанов 1991: 527]. При этом очень часто такие построения подгоняются под заранее сформулированные выводы: кого-то хочется прославить, кого-то осудить, для чего выдвигаются псевдонаучные аргументы.

Библиография

- Алпатов В.М.* Н.Я. Марр и народные этимологии // Вопросы филологии. 2009. № 1 (31). С. 8–13.
- Алпатов В.М.* Языковая культура // История японской культуры: Учеб. пособие. М.: Наталис, 2011. С. 66–98.
- Богаевский Б.Л.* Воспоминания о Н.Я. Марре // Проблемы истории докапиталистических обществ. [Л.], 1935. № 3–4. С. 164–165.
- Де-Воллан Г.* В стране восходящего солнца: Очерки и заметки о Японии. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.
- Крушевский Н.В.* Об аналогии и народной этимологии [1879] // Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М.: Наука, 1998. С. 48–58.
- Мариенгоф А.* Роман без вранья [1927] // Мариенгоф А. «Бессмертная трилогия». М.: Вагриус, 1998. С. 11–132.
- Марр Н.Я.* Избранные работы. М.; Л.: АН СССР, 1933–1937. Т. 1–5.
- Марр Н.Я.* Место грузинского языка в мировой истории созидания и развития речи (беседа в Тбилиси в 1930 г.) // Язык и история. М.: Соцэкгиз, 1936а. Вып. 1. С. 42–61.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Соцэкгиз, 1938 [Первое изд.: Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris, 1903].
- [*Поливанов*] Стенограмма 4 февраля 1929 г. «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория». Доклад Е.Д. Поливанова // Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Восточная литература, 1991. С. 508–542.
- Руднев В.П.* Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2009.
- Участкин В.И.* Этруски заговорили по-русски. М.: Издание автора, 2005.

- Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2.
- Шор Р.О.* Язык и общество. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. [1-е изд. М.:
Работник просвещения, 1926].
- Gottlieb N.* Language and Society in Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Mimi [Ухо] // Gengo Seikatsu [Журнал]. Токуо, 1984. No. 4. P. 94.